

Над ютее знакомство

Спектакли Новокузнецкого драматического театра имени С. Орджоникидзе сразу как-то очень ограничивают в культурную жизнь Барнаула стали из-за нехватки помещений. Но по вечерам в здании крайдрамтеатра, где проходят гастроли, стекаются народные потоки барнаульцев, и над сценой можно увидеть приятную картину: залы переполнены зрителями: «Все билеты проданы».

Но, конечно, не это доставляет главную радость зрителям, а то, что в залах царит искренняя доброжелательная атмосфера, и по окончании спектакля артисты получают аплодисменты, еще и еще раз вызывая исполнителей на авансцену.

И тогда, пожалуй, повторить о том, что именно вызывает интерес к театру, выступать и играть в нем порекают вместе с артистами.

Речь пойдет о первых трех спектаклях — бесспорном шедевре «Отелло», пьесе Тамары Ян «Гордячие» и «Ленинградском проспекте» И. Штока. В каждом из них есть актерские удача, есть в какой-то мере неизбежные просчеты, но есть и общее для всех трех постановок — их современность. Дело, конечно, не в чисто внешнем примате сегодняшнего дня, которые мы отчетливо ощущаем в «Гордячих» и «Ленинградском проспекте», а в самом духе спектаклей.

В античной трагедии, относящейся к V и к IV векам до нашей эры, и к «Отелло», ибо нам и сегодня близок страстный и гордый, искренний и благородный, но оптимистичный мавр. Ведь он страдает не только из-за предательства и доверчивости: не будь Отелло мавром, его бы не было. Он решил на молодость. И слово молодой доведет мостик перекинутый от трагедии Шекспира, испанской столетия назад, и трагедии XX века, расстрелявшегося сегодня на его Союзных Штатах Америки.

Таков закон искусства. Можно поставить «ультраמודную» пьесу, тогда герои живут и действуют, но казнь бы, в итоге время, и омылись в плесну мыслей, оставшихся уже далеко позади, с обреченным видом открывать банальные истины. А можно вывести на сцену героев давно известных, но в тайне пути и сердцах людей, помочь им глубже осознать великую правду нашей действительности.

Если говорить об «Отелло», то условно говоря, удача актера А. А. Ионов в заглавной роли. Он создал запоминающийся образ, его яркая, темпераментная игра привлекает внимание.

Наиболее обстоятельного разбора заслуживают пьесы Тамары Ян «Гордячие» в постановке главного режиссера театра Л. Г. Шеглова. Именно этот спектакль, нам кажется, раскрывает лицо театра, его творческую устремленность. И потому, что материал для пьесы послужила дала коллектива кубасского шахты коммунистического труда «Полтавская», и в пьесе, и постановке, и в исполнении первую постановку пьесы, и потому, что он, театр, имел возможность совместной работы с драматургом над спектаклем.

Приходит на шахту девочка, Юля, из Ленинграда. Талантливая, она, как и сибирский цыган — марок, и со слухом, мечтает о светлой и чистой любви. Душа ее восстает против пошлости и грубости, бытующих еще на шахте, против безделья. Происходят неизбежные, полные драматизма столкновения характеров и взглядов. И ничего бы не сделать Лельке-гордячке, как ее окрестят попорту, если бы не великая борьба ее не сошла по аресту и задержанию, инициации на коммунистический труд, с приходом на шахту нового начальника Абашева.

Мы видим, как изменяется Максим, возмущенный для себя самого эгоистичный в Лельку, нам под ее влиянием чаще и светлее становится Лиля. Не испугавшись аномалий и откровений утроб, Абашев усиливает жестокость Степанчиков, отстраняет от руководства бригадой Медведя, видящего своего злорада только в том, что своим любимым средством зарабатывать. Бригада под руководством Максима выдерживает трудный изнурительный труд, преодолевая сопротивление шахты на очень опасном участке, новое победив. Таков краткий сюжет пьесы.

Спектакль очень достоверно воссоздает атмосферу жизни шахтеров,

его очень искренне и возмущенно играют актеры.

Чувствуется, что театр много и успешно поработал над спектаклем. В большинстве своем сцену хорошо декорируют художники В. Медведько, значительно усиливает эмоциональное воздействие происходящего на сцене музыка композитора Ю. Бирюкова.

Хорошо справился со своей задачей и режиссер Л. Г. Шеглов. Вот один из удачно найденных приемов. В паузах между картинами мы видим на заднем плане в углу в полушарии шахтерские лампочки — люди идут в шахту. Емко и точно решены сцены сцене бригадиров, тот же износ со Степанчиковым в кабинете Абашева.

Многочисленные актерские удач, причем, прежде всего, хочется сказать об исполнителе главной роли — М. И. Галеем, обладающем хорошими сценическими данными. Актер создал запоминающийся образ девушки — мечтательной и порывистой, решительной и прямой, ноющей и гордой. Драматург вывел лирично сложный характер и, не имея возможности, она сумела преодолеть значительные трудности. Единственное, в чем можно упрекнуть актрису, так это в некоторой внешней статичности образа.

Под стать Лельке и ее подруге — Лиля в исполнении Л. Н. Луговой и Фелия (И. И. Волкова) — девушка, недавно вырвавшаяся из дупного мира скитаний. Об исполнителю были вполне можно сказать верные сценические краски и, как говорится, живут на сцене.

Уверенным, сочным мазками, на редкость достоверно рисует Медведько артист А. П. Крыков. Его герой — простой парень, несколько изверженный, но пылкий, который в нем-либо притворство, искренний в своем возбуждении, который, однако, по мере того, как разжигается действие, начинает задумываться над своим отношением к миру. Более динамичным, естественно, более сложный образ Максима, тоже честного, но горячего, увлекающегося человека, способного на яростные проявления внутреннего благородства, который по мере скрупуловатой маской грубого парня, легко одерживающего любовные победы, «дикого селезня», как его зовут на шахте.

Под стать Максим в наших глазах преобразуется, становится бригадиром, перед нами раскрываются новые его качества, и мы верим актеру А. Константинову, ибо он сумел вполне убедительно показать, во и доказать правоту своей позиции. Обращаясь к А. Медведько, сколько неудач, измывавших попытки перекроить того или иного героя. Здесь, к счастью, ничего подобного не случилось, и это была удача драматурга и актера.

Еще два героя во многом определенно заслуживают спектакля, его гражданский пафос, остроту конфликта. Это Абашев (артист П. В. Сидоров) — старый коммунист, опытный руководитель, крепивший в огне Великой Отечественной войны, и противостоящий ему Степанчиков (В. М. Чистиков) — свидетелем войны, толпы слез, восторга и гнева.

Только в одном эпизоде мы видим их на сцене вместе — уже увлеченный Степанчиков в хорошо размыленном мостулане рубит тисом стол в кабинете начальника шахты. Оба актера проводят эту сцену на таком высоком эмоциональном накале, что она становится кульминационным пунктом спектакля.

Много добрых слов можно сказать в адрес артиста В. Сидорова, отчаянно сыгравшего Макарыча, да и других актеров.

Но хочется поговорить о другом. Гостям не совсем удобно приходить, однако, нехватка сараев, очень упрек в адрес драматурга и театра, и, думаю, есть смысл его высказать. Речь идет о финале спектакля «Гордячие».

Разоблачив Степанчиков, в бригаде, освобождаясь от руководства Медведя, окончательно утвердившись новые, отвечающие духу времени отношения, словом, мы становимся на свои места, что, кстати, мы и наблюдаем сейчас на износ пути в нашей жизни. И в этот момент драматург, словно убохавшись того, что все идет слишком хорошо, делает совершенно неожиданный сюжетный ход. Пьяный Медведь бросает в

лицо счастливым Лельке и Максиму осербило, основанное на случайных словах сказанных когда-то самим же Медведом. На сцене все меняется, как по мановению волшебной палочки. Только что мы смотрели серьезный, наталивающийся на раздумья спектакль, как вдруг перед нами стремительно развертывается мелодрама.

Примам и гордая Лелька, так трудно завоевавшая свое счастье, даже не пытаясь в чем разоблачить, бормочет, бормочет под нос. На все брагу, которая стоит тут же, находит испонаторское опонение, Максим, спасая Лельку, погибает.

И вот заключительная картина. Утра, Лелька спланировала вид своей могилы. В стороне, у сланной

березы, встала скорбная фигура кающегося Медведя. Абашев, убитый и душевный Абашев, пытался утешить Лельку, говорит какие-то дежурные фразы, звучит торжественная музыка.

Что хотел сказать этим текстом? Что борьба старого с новым неслучайна, что оно не обходится без жертв? Да, это так. Но если гибель бойца на войне а являл мучку, даже за минуту до победы, оправдания, то гибель после победы — случайная и вилена. Здесь же в спектакле, смерть Максима не более бесцельна, что она входит в живое противоречие с очевидной логикой событий. Ведь Медведь, в сущности, полхолощ парня, уже осознал причину своего поражения. Поэтому же драматург отказывает ему в поступке, естественном в его положении человека, размышляющего над жизнью: поинтересуйся перед товарищами, когда они зовут Максима, когда он раскрывает с Максимом познание Медведя. И как понять трагедию, впервые завоеванную чуждо, бы поминки махматора Степанчиков? Да и Лелька не могла так вот просто, отбросив все то хорошее, что было и их отношений с Максимом познание Медведя. И как понять растерянность и, и бы сказал, разнузданную бригаду, только что прошедшую серьезное испытание на прочность, в этот выпаденный драматический момент? На все эти вопросы, при всем желании, трудно найти ответы.

И еще одно. Иллюзм пьесы, ее высшим смысловым могил, да и должным бы стать, выходящие слова Абашева, который на вопрос Фелии: «Она работает на опасном участке». Оня, что — горюх? отвечает, — «Нет. Она — шахтерша». К сожалению, в спектакле героиня шахтерского труда, его романтизм, его мечта, его приважины каллигами бытия. Каким глубоко содержанием могла бы наполниться сцена раската, говоря Абашева и Макарыча, которая пришла арты, чтобы и ее на «всплески» коммунизма, и мы и являл брагу коммунистического труда, если бы драматург не пригласил звучавшего этого эпизода на расчистку стилизации речи Макарыча, расчисткой на иприглатительный сцене в зале.

К тому же, автор пьесы в театр пытается урвать нас в том, что Макарыча зашла поговорить с начальником шахты о столь важном,

по нашему пониманию, деле, занял победителем, очередь за войбой. Этот пример приважины миссий и чувств героев, к сожалению, не единственный. Есть в спектакле и другие, но, к счастью, менее серьезные просчеты.

Но при всем этом спектакль получается значительным, его очень толо принимают зрители. Подкупает искренность драматурга и театра, их горячее стремление сказать свое новое слово, расковать о людях настоящего и будущего. В этом стремлении театра убеждает нас и постановка «Ленинградского проспекта» И. Штока (режиссер П. В. Сидоров). Пьеса глубоко психологична и умна.

Радуят зрители отшлифованной эмоциональной игрой, глубоким проникновением в характеры героев заслуживая артиста МАССР П. И. Богданова (Клавдия Петровна), В. М. Чистиков (Василий Палочкин), М. А. Мариу (Дмитрий Сергеевич Сидоров), Н. В. Майоров (Самсон Сидоров). Очень естественна на сцене Маша (И. Сидорова). Вспоминаются Нина Алексеевна в исполнении А. Г. Игнатьевой, Федор (А. А. Зотов), Сергей Чухин (А. Н. Зыков). Драматургический материал позволил раскрыться в способностях артистов Л. С. Ушаева (Бася).

Очень обидна неудача А. П. Крыкова — песоменное, способного актера, тем более обидная, что она в большой мере снимает силу спектакля, его психологическое воздействие. Актер, на наш взгляд, механически перенес сценический рисунок роли на предельную постановку. Но то, что очень достоверно и убедительно для образа Медведя, являло противоречием всей тнани «Ленинградского проспекта», но только не здесь, но и не позволяет раскрыть образ Бориса — столичного футболиста, жареного заводной болельщика, — отступает интеллектуальное начало образа.

Творческое лицо Новокузнецкого театра очень определено. Главная тема его спектаклей — утверждение новых отношений между людьми, наша современность. На этом пути есть много удач и досадные просчеты. Но этот путь верен, и на нем барнаульские зрители идут еще и еще, встречая с нами героями — актеры, которые, если судить по первым спектаклям, должны быть талантливыми и интересными.

П. НИКОЛЬСКИЙ.

На снимках: сцены из спектакля «Гордячие». Вверху — Макарыча (арт. В. К. Сидорова) и Абашев (арт. П. В. Сидоров), внизу — Лелька (арт. М. И. Галеем).